— Ты ведь не Фугаку. — Минато подкинул свой кунай в воздух, и Джонатан получил возможность во всех ракурсах рассмотреть сие необычное оружие.

— С чего ты взял? — Прищуриться, еще раз окинуть парня напротив взглядом.

— Вижу, — Минато тяжело вздохнул, и сел на ближайший камень.

Водопад, рядом с которым они стояли, скрадывал все звуки и даже близко стоящий к желтоволосому Сальери улавливал слова благодаря способности читать по губам. Так что подслушать их не могли: стояли лицом почти к стене воды, все звуки заглушались. Намикадзе воткнул кунай возле ноги, вновь смотря на Фугаку.

— Не понимаю, почему другие не видят. Такое чувство… что вокруг тебя рассеивающий внимание барьер, и на всех людях закладки, которые уводят мысли в сторону, не позволяя акцентировать внимание на твоей личности.

— Если это так, то как ты смог это преодолеть? — Иронично приподнял брови Сальери. Ему хотелось выговорится, но в Минато он все еще сильно сомневался. Вместо ответа тот просто закатал рукав темно-синего свитера, снимая скрытый до этого кожаный браслет. Небольшой черный камень, что находился посередине, треснул в центре.

— Этот браслет был завязан на Фугаку. Месяц назад камень в центре сломался. — Ярко-голубые глаза, до этого смотревшие мягко и успокаивающе, приобрели оттенок стали. Сейчас перед Джонатаном стоял воин, готовый атаковать.

— Допустим, я пережил клиническую смерть. — Фыркнул Джонатан. Ему категорически не нравилось то, куда шел разговор.

Намикадзе пожал плечами. А Джонатан снова вспомнил то, что выдала ему память Фугаку при запросе на Минато: «Друг». Это была первая ассоциация, первое слово перед чередой званий и описаний Намикадзе. Младше Учиха на восемь лет, природный гений, который обогнал многих клановых по силе без способностей вроде улучшенного генома, копирующего все и вся Шарингана и прочего и прочего… И при всем при этом, бесклановый сирота, то есть на языке Конохи нуль без палочки… Для Джонатана это было немного подозрительно, ведь невозможно быть настолько талантливым в каких-то двадцать два года (либо он слишком плохо изучил реалии этого мира).

— Не знаю, откуда у тебя такая антипатия ко мне, — вдруг хмыкнул Намикадзе. — Но я не чувствую тебя как врага. Ты из Конохи?

— «Вообще не из этого мира,» — мрачно хмыкнул про себя Джонатан. Минато, если говорить честно, очень располагал к себе. Что же… пан или пропал: — Нет.

— Для чего тебе понадобился мой друг? — Взгляд твердый, движения характерны, а некоторая расслабленность тут же пропала, сменившись настороженностью.

— Да нафига он мне сдался. — Тут же махнул рукой Сальери, тоже садясь на камень, рядом с Минато. — Думаешь, я горел желанием сюда попадать?

Взгляды встретились и оба поняли, что сейчас решается то, как они будут относиться друг ко другу в будущем. Момент истины, как иронизировал внутренний голос Джонатана. Оба приоткрыли свои карты: Минато на людях делающий вид, что никакого прямого отношения к Учиха не имеет (Сальери лично проверял), и Джонатан, признавший, что не является Фугаку.

— Что тогда произошло? — Понимание, внимательность... но, Учиха хмыкнул про себя, собранность и готовность принять бой. Они похожи: еще не доверяют, но делают шаги навстречу. Видимо, Намикадзе тоже был в нем заинтересован.

«И как я дошел до такой ситуации... а ведь хвалился своей рассудительностью и предусмотрительностью.» — Невесело подумал Джонатан, вспоминая то, что привело его к беседе с Минато, в окружении грохота воды и природы.

***

Два дня назад.

Совет Кланов закончился тем, что выяснилось следующее: все Главы также провели пересчет и систематизацию данных, подвели итоги войны и сравнили свои потери с общим числом... и многие остались крайне недовольны итогами. Также кандидатуры Орочимару и Минато были одобрены и получили поддержку Глав, а вот Цунаде предложили сделать главой госпиталя, ибо сейчас ее техники в ирьедзюцу были просто незаменимы (но в глазах многих Глав Джонатан ясно видел следующее: «чтобы женщина да стала Хокаге?»). Были разобраны многие послевоенные проблемы, особенно по части поставки продовольствия, ремонта баз на границах, поставок оружия, охраны и сопровождения караванов по стране Огня. Также распределили территории, на которые кланы оставляли отряды для патруля, сбора информации, проверки селений и прочего и прочего. Обговорили известие о скором прибытии Дайме в Коноху и набросали примерный план назначения нового Хокаге. На все про все ушло семь часов, даже учитывая то, что практически все споры заканчивались максимально быстро из-за срочности.

Фугаку старался не выделяться, следуя одному правилу: «выбить для себя наилучшие условия, а остальные пусть сами разбираются», в следствии чего молчал почти на протяжении всего собрания, так как Учиха уже имели свою нишу, с которой их двигать не собирались. Похожую позицию занимал Нара Шикару и Шихо Абураме, так что и тут выделяться не пришлось.

Была назначена дата сбора совета джонинов, и почти сразу после этого все разошлись, довольные друг другом. Совет Кланов, как понял Джонатан, это скорее неформальное собрание, позволяющее Главам собираться отдельно от джонинов и обсуждать что-то свое, ведь

не все джонины принадлежат кланам и являются их главами, поэтому полным составом собирались очень редко.

Из непринужденной беседы Глав Курама и Андо Сальери понял, что его ход перед назначением был оценен по достоинству и помог разобраться с некоторыми вопросами. Хотя многие полагали, что Фугаку сошел с ума, выставляя все действия на показ, все же прислушивались к тому, что он делал и какие это имело последствия. Ведь перед назначением он вполне мог тихо, мирно и спокойно составить необходимые графики собирая данные исключительно внутри клана, а не гонять помощников по всей Конохе, заставляя тех буквально выворачивать наизнанку всех партнеров и взаимодействующих с кланом лиц. Таким образом он преследовал две цели. Показать тем, кто устроил покушение, что он их не боится и делает, что хочет (ну и некоторым должно было показаться, что атака свела бедного Фугаку с ума и повредила его мозг). И подтолкнуть другие кланы к более скорой реорганизации после войны, хотя делать это он был не обязан (все равно не все оценили).

И, почти сразу после совета, направляясь домой, они столкнулись с героем этой войны — Минато Намикадзе. Микото, которая, кстати, ждала его с совета, умоляюще посмотрела на него, уговаривая подойти к герою войны и уже известной ему Кушине. Как оказалось, Узумаки Кушина была оружием деревни и, с двенадцати лет, близко дружила с Минато, который (если Джонатан верно помнил примечание того Фугаку) был ее женихом.

Потом его супруга (предварительно кинув на него вопросительный взгляд и дождавшись кивка) позвала свою подругу в гости, и те не замедлили прийти следующим вечером. А потом… потом Фугаку просто и тупо подставился. Просто потому, что полностью проигнорировал всплывшее в памяти «друг», и, когда пришедший вместе с Кушиной Минато попытался вывести его на дружеский разговор, вежливо сослался на головную боль и ушел к себе. И, как он теперь понимал, в тот день Намикадзе пытался проверить свои предположения о том, что Фугаку в самом деле не Фугаку.

На следующий день, его попросили о разговоре тет-а-тет, а потом с помощью техники перенесли почти к самому водопаду. Отлично, не правда ли?

http://tl.rulate.ru/book/38968/845960